

ПОЛИТИКА СИЛЫ И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На пути к новой архитектуре мира. С окончанием «холодной войны» *сила* не перестала играть важную роль в поддержании системы мировой безопасности. Напротив, можно констатировать увеличение силовых приемов с целью поддержания мировой стабильности со стороны единственной супердержавы. При этом используется практически весь известный арсенал давления, включая тактическое ядерное оружие. Наряду с военным потенциалом в миротворческих операциях задействован арсенал *ненасильственных* мер, обусловленный дипломатическими, юридическими нормами, использованием научных достижений в области экономики и коммуникаций.

Под влиянием новой практики международной безопасности политическая наука пересматривает классические представления о международной безопасности и ее социальных условиях. Например, конструктивистская и критическая научные школы рассматривают в своих стратегических исследованиях проблемы безопасности, войн, международного насилия, возникновения и урегулирования конфликтов, процессы мира, эволюцию правил и институтов управления мировой политической системой, изменение механизмов и инструментов международного сотрудничества, эволюцию международных союзов.

Серьезные изменения происходят в последние годы в тех направлениях философии политики, которые пытаются осмыслить изменения в международной безопасности. В качестве примера сошлемся на недавнюю публикацию американского политолога Роберта Кагана. По его мнению «после окончания «холодной войны» в философском осмыслении международных событий произошел фундаментальный разрыв между американцами и европейцами». Европейцы уверовали в свою мессианскую роль. Они думают, что современный мир будет основываться на юридических принципах, на которых функционирует Европейский Союз и полагают, что не Саддам Хусейн или Ким Чен Ир являются препятствиями на пути его осуществления, а США. Поскольку единственная супердержава настаивает на использовании силы и принуждения для установления мира в различных частях света. «Разделяющий европейцев и американцев кризис заключается в том, что первые из них абсолютизируют не капитал и даже не жизнь, а идеалы. Как только европейцы чувствуют угрозу их идеалам, они начинают реагировать в гневе и страхе». Нет оснований абсолютизировать слова Р. Кагана, тем не менее, они ясно указывают на некие различные основания европейской («старой Европы») и американской философии безопасности. По мнению Р. Кагана «это различие стало проявляться «по крайней мере в 90-х гг., а не после 11 сентября 2001 г.».

Таким образом, в начале XXI века не только система безопасности претерпела существенные изменения, но и философские основы ее обоснования.

Пока о новой мировой политической системе можно сказать только то, что она формируется на однополярной основе, с приматом силы над главенством международных законов, снижением роли суверенных институтов (государств), принижением роли международных организаций, вульгаризацией этических и ценностных норм как основ поведения субъектов международных отношений. На первый взгляд упрощение системы международных отношений делает ее более транспарентной и понятной для участников международных процессов. Однако, если рассматривать эту систему под углом применения законов устойчивости физических систем, то можно констатировать, что ряд проявляющихся в ней признаков свидетельствуют о крайней жесткости выстраиваемых в ней конструкций и слабом резерве устойчивости. Более жестко стали выстраиваться требования и к участникам международных процессов.

Опыт мониторинга классических политических систем показывает, что наибольшую устойчивость к внешнему или внутреннему воздействию проявляют системы с развитыми институтами сдержек и противовесов. Очевидно, что в новой системе международных отношений все большую роль будет играть диктат и уменьшится поиск компромиссов. Таким образом, нетрудно прогнозировать эскалацию силы при разрешении возникающих конфликтов, что в свою очередь будет детонировать разрастание конфликтов.

Проблемное поле исследования. Современный мир пребывает в состоянии растерянности перед глобальными традиционными и нетрадиционными вызовами национальной, региональной и глобальной безопасности. Интернационализация террористических актов, рост ксенофобии, религиозного, этнического и политического экстремизма казалось бы должны провоцировать адекватные глобальные ответы на вызовы, консолидацию здоровых сил мирового сообщества на организацию адекватных ответов.

Утопическая модель нового универсалистского типа организации международных отношений была предложена М.С. Горбачевым в известной концепции «Новое мышление для нашей страны и для всего мира». К сожалению, жестокая мировая практика безапелляционно развенчала несвоевременные мысли советского руководителя. А наиболее радикальная часть российского политического истеблишмента, обвинив горбачевское руководство в предательстве, предпочитает рассматривать современные международные отношения сквозь прицел непротиворечивых и неанализируемых геополитических теорий, оформившихся в конце XIX. Следует признать, что непрочь использовать в качестве путеводной теории геополитические рецепты мировой политики их американские коллеги.

Например, к обоюдному удовлетворению на страницах русского издания известной работы Збигнева Бжезинского «Большая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы» встретились бывший советник по национальной безопасности президента США и генерал-майор службы внешней разведки Юрий Кобаладзе. «...Никто еще не рассказал нам проще, жестче и откровеннее об Америке как «единственной сверхдержаве» и никто еще не раскрыл столь обнаженно, какими способами удержать ее исключительное положение», –

написал в предисловии российский генерал¹. «Книга З. Бжезинского, одного из кузнецов американской внешней политики, – это поиск новой стратегии мирового господства США», – заключает Ю. Кобаладзе². Збигнев Бжезинский с уверенностью, достойной исторического материалиста, пытается убедить политиков и читателей в том, что он «держит Бога за бороду» и в состоянии предсказать ход исторического процесса с помощью верного и надежного инструмента – геополитики. Естественно, напрашивается такой же противоход со стороны российских оппонентов – использование аналогичного теоретического и военно-политического инструментария, чтобы ответить на американскую экспансию.

Тот факт, что современная внешняя политика США развивается по сценарию З. Бжезинского не является доказательством его исторической правоты и безупречности методологического инструментария. История знает немало казалось бы безупречных и вечных геополитических конструкций, оказавшихся «колоссом на глиняных ногах». Неучтенный геополитиками такой материал, как «генерал-мороз», неожиданный для них патриотизм («За Родину! За Сталина!»), заградительные отряды, непрогнозируемая жестокость руководства в отношении собственного народа (выиграть войну «мясом») и ряд других факторов, игнорируемых геополитическими теориями, зачастую находят простое объяснение со стороны геополитиков как «выпадение из истории», выносятся ими за скобки исторического процесса. Из свежих примеров создается впечатление, что в недавних войнах США не все развивается по тщательно разработанному геополитическому сценарию.

Автор исходит из того, что глобализация и американизация не являются синонимами одного и того же процесса. На наш взгляд понятие «глобализация» значительно шире и включает в т.ч. спровоцированные ею антиглобализационные процессы. В свою очередь понятие «американизация» обозначает наиболее значимый и влиятельный компонент в глобализации, который является самодостаточным, а не просто частью глобализационного процесса. Согласно мнению бывшего государственного секретаря США Генри Киссинджера американцы верят в то, что они «обладают лучшей системой управления в мире». Остальной мир находится на пути к достижению этого идеала. И если «человечество действительно желает мира, оно должно принять моральные устои США»³. Таким образом, американские интересы рассматриваются как интересы всех. Будучи кандидатом в президенты Буш критиковал Клинтона за то, что тот направлял американских солдат на театры военных действий второстепенного стратегического значения, исходя из иллюзий экспорта демократических ценностей на враждебном поле. Чтобы избежать вовлечения в конфликты, от участия в которых США ничего не выиграют, они должны занимать умеренные позиции. После 11 сентября риторика Буша изменилась. Теперь он провозглашает необходимость экспортировать американские ценности – свободу, демократию и свободный рынок – на территорию пяти континентов. В обращении к офицерам Вест-Пойнтской академии 1 июня 2002 г. президент США заявил: «Когда в игре находятся общие ценности и жизненные потребности мужчин и женщин, не про-

¹ Кобаладзе Ю.Г. Предисловие // Бжезинский З. Большая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. М., 1998. С. 9.

² Там же. С.10.

³ Kissinger H. Diplomacy. New York, 1994. P.18.

изойдет никакого столкновения цивилизаций. Ценности свободы в равной мере одинаковы в Африке и Латинской Америке и во всем исламском мире. Исламские народы стремятся к тем же самым ценностям свободы, что и другие народы». «Долг, исполняемый нашей нацией, значительно шире задач нашей обороны. Мы сражаемся, как и ранее, за справедливый мир – мир, который объявлял высшей ценностью свободу... Мы отстоим мир, путем поощрения формирования свободных и открытых обществ на каждом континенте»⁴. Добившись ликвидации «империи зла», в Белом доме думали о создании «империи добра». Согласно новой Доктрине национальной безопасности США должны после 11 сентября занять «беспрецедентное военное положение и огромное экономическое и политическое влияние». В своей концепции национальной безопасности США исходят из того, что мир будет более безопасным, если будет состоять из таких же государств, как сами Соединенные Штаты. Без войны построение такого мира было бы невозможным в силу устойчивого американского изоляционизма.

Один из идеологов доктрины Буша Джошуа Муравчик утверждает, что американские планы нового мирового порядка имеют мало общего с классической имперской политикой и «еще никогда в истории государство такой мощи не демонстрировало столь низкий имперский аппетит»⁵. Книга была опубликована в 1996 г. Если быть объективными, то и спустя семь лет с учетом афганской и иракской военных кампаний США нельзя с уверенностью опровергнуть или подтвердить вывод американского политолога. Только сравнительный анализ намерений, факторов внутреннего и внешнего воздействия на сценарии развития событий могут подвести к пониманию мировых политических процессов.

В качестве самых общих объектов научного внимания становятся глобальные проблемы современности, прежде всего *процессы глобализации*, провоцирующие принципиально новые формы современных политических вызовов. Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских подходов, одним из проявлений которых стала *глокализация*.

Глобализация самым решительным образом воздействует на изменение *современной архитектуры мира*. Таким образом, изменяются сами принципы, на которых на протяжении трех с половиной веков основывался фундамент систем и подсистем международных отношений.

Сопутствующими процессами глобализации, без поспешной претензии на установление иерархии взаимосвязей, являются *межцивилизационные* и *межрелигиозные* вызовы. Их производными стали проявления цивилизационной, религиозной, национальной, этнической, расовой нетерпимости, которые подрывают основы человеческого общежития. Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских явлений, производным от последних стал феномен, названный *глокализацией*⁶.

В исследовании влияния глобализации на внутривнутриполитические процессы Р. Дарендорф установил «прямую связь между кризисом демократии и кри-

⁴ LiMes. 2002. N 4. P.8.

⁵ Muravchik J. The Imperative of American Leadership. A Challenge to Neo-Isolationism. Wash., 1996. P.1.

⁶ Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Roma: Laterza, 2001. P.4.

зисом государства-нации»⁷. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать казалось бы второстепенные признаки, например, готовность власти на демократическую смену власти⁸. Внутриполитическая динамика в США после 11 сентября 2001 г. представляет прямую угрозу демократическим институтам, прежде всего, самого мирового гегемона. Увлеченные преследованием внешнего врага, немногие интеллектуалы, власти умов, выразили тревогу в связи с резким сужением роли демократических институтов в государстве, претендующем на роль мирового гаранта демократических процессов. Аналогичные тенденции фиксируется в современной России. В ряде исследований политических процессов после 1989 г. Ральф Дарендорф высказал суждение относительно вступления человечества в новый переходный «последемократический период», который, как надеется британский ученый, завершится конструкцией «новой демократии»⁹.

В оценке роли и последствий глобализации пересекаются различные точки зрения от фаталистской, свойственной современному неолиберализму, до нигилистской, характерной для многих маргинальных обществ и выразителей их интересов¹⁰. Например, в критике неолиберальных концепций глобализации профессор Шеффилдского университета Эндрю Гембл обращает внимание на спрямление апологетами неолиберальной глобализации представлений о многих субъектах глобальной политической системы. Действительно, пишет Э. Гембл, в мировой экономике происходит множество реальных изменений, которые ведут к ослаблению роли государства и к эрозии его суверенитета. Но многие из крайних тезисов неолиберальных глобалистов не убеждают. В частности, о том, что глобальный свободный рынок обладает достаточным потенциалом, основанным на принципах саморегулирования, для решения острых социальных проблем отдельных социумов, страт и индивидуумов¹¹. Далее, Э. Гембл пишет, что не следует рассматривать новые явления как полный разрыв с прошлым. Глобальный рынок начал складываться не в 70-х или 90-х гг. XX века, а значительно раньше и предшествовал консолидации европейской системы международных отношений в XVII веке. Что касается космополитического глобального порядка, то он уже существует и осуществляет посреднические функции между интересами суверенных государств и глобальными рынками. Э. Гембл рассматривает усиление региональных институтов, к которым относит Европейский Союз, как своеобразный ответ на глобализационные процессы с целью обеспечить региональную и индивидуальную экономическую безопасность. Относительно дальнейшей роли государства-нации, английский исследователь считает, что оно не

⁷ Ibidem. P.7.

⁸ Ibidem. P.8.

⁹ Ibidem. P.4.

¹⁰ Обстоятельный анализ западных концепций глобализации предложен в статье В. Коллонтай. См. Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №1-2.

¹¹ Cecchi Paone F. Si Global. Ragioni e vantaggi della globalizzazione. Milano: Il Saggiatore, 2002.

исчерпало своего потенциала в регулировании ряда жизненно важных секторов, таких, как социальные отношения, национальная безопасность и другие¹².

Можно согласиться с американским исследователем П. Ратлендом в том, что «каждой нации приходится искать свои формы сочетания национализма, регионализма и экономического глобализма»¹³.

Можно привести и иные примеры тривиальных и нетривиальных политических процессов современности, научное измерение которых с помощью научного инструментария прежнего поколения не дает положительных результатов.

Например, с точки зрения классической методологии многополюсный мир представляется более устойчивым. Итальянский исследователь Фульвио Аттина произвел математическую обработку данных относительно связи количества политических союзов с устойчивостью систем международных отношений и пришел к выводу относительно того, что устойчивость систем находилась в прямой зависимости от количества двусторонних и многосторонних политических и военных союзов¹⁴. Однако мы не знаем с точностью, как поведет себя многополюсная система, субъектами которой впервые могут стать государства с радикальными религиозными режимами.

Конечно, применительно к теориям международных отношений можно применить понятие «кризис», но, скорее всего, речь идет о кризисе классических теорий. С усложнением и трансформацией систем международных отношений происходит изменение методологического инструментария познания международных отношений.

Во-первых, оказалось опровергнутым положение классической политической науки, согласно которому борьба военных сил за гегемонию неизбежно приводит к мировой войне. Отечественные исследователи уходят от анализа феномена поражения одного из участников противоборства в «холодной войне». Если «холодная война» – «война», но иного типа, то необходимо проанализировать феномен «холодной войны». И особенно его последствия под углом эволюции политической системы. Если ни один из участников биполярного противостояния не потерпел поражения, как настаивают на этом многие российские ученые и политики, то тем более важно проанализировать механизмы, повлиявшие столь радикально на эволюцию современной политической системы.

Во-вторых, *глобализация* опровергла еще одно правило классической политической науки согласно которому, политические системы опираются на суверенные субъекты международных отношений (государства).

В-третьих, события 11 сентября 2001 г. смешали все классические представления об основных игроках (протагонистах) международных отношений. Происходит глобализация этнических, религиозных, социальных конфликтов. «Антиглобализационные» движения являются недостаточно изученным феноменом, возможно пока еще недостаточно осознанным участниками самих антиглобализационных процессов.

¹² Gamble A. Fine della politica? Bologna: Il Mulino, 2002.

¹³ Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №4. С. 17.

¹⁴ Attina F. La sicurezza degli stati nell'era dell'egemonia Americana. Catania: Giuffrè ed., 2003. Appendici.

В-четвертых, никто не отменит «росчерком пера» бывших протагонистов международных процессов (суверенные государства, международные организации, правовые регуляторы, общественные группы, лоббисты экономических, финансовых, криминальных и иных интересов), чей крах или интеграция в новую систему будут оказывать заметное влияние на ее эволюцию. Современная наука не всегда готова понять и оценить логику поведения известных субъектов в новых условиях, и тем более, находится в затруднении при анализе новых международных явлений. Одним из таких явлений становится глобализация религиозных, этнических, расовых конфликтов.

В-пятых, изменяются основания не только для научной оценки протекающих мировых политических процессов, но и для прогнозирования, программирования и управления этими процессами.

В связи с вышесказанным обратим внимание на замеченную философом М. Мамардашвили особенность человеческой природы: «человек не может жить в непонятном ему мире». Советская мифология оставила глубокий след в массовом сознании, прежде всего упрощенным представлением о социальной реальности и ее законах. «...Существует механизм уважения человека к самому себе, — пишет Мамардашвили. — Кроме властной потребности быть, состояться... у него есть еще потребность понимать. Человек в принципе не может жить в мире, который ему непонятен. Но принцип этого понимания всегда срачивается с фундаментальным отношением человека к самому себе ... Если же он достигает степени самоуважения посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто покусится разрушить эти схемы, чем расстанется с ними»¹⁵.

Как видим, «понятный» — не означает рационально осмысленный. Это может быть мир грез, мифов, искаженного представления об окружающей действительности. Для нас является очевидным, что *глобализация* как радикальное изменение понятного нам мироустройства станет генератором новых норм человеческого общежития и провокатором нового типа конфликтов.

Глобальным вызовам, очевидно, должны противопоставляться адекватные глобальные ответы.

Например, в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 г. США призвали к созданию всемирной антитеррористической коалиции. Ответом стало формирование беспрецедентной по составу антитеррористической коалиции, включившей государства, не входившие ранее в орбиту американских союзников.

Глобализация конфликтов уже влияет на изменение системы международных отношений и ее институтов. К примеру, было отмечено ослабление роли ООН и НАТО в ходе американской антитеррористической операции. Недавно поступила информация о создании в ФБР «суперподразделения», которое будет вести все наиболее крупные расследования, связанные с проявлениями терроризма по всему миру¹⁶.

Сами по себе вышеобозначенные проблемы широко известны и обработаны с помощью традиционных научных методов. Безграничное поле исследования, на наш взгляд, связано с изучением новой, можно предполагать очень подвижной ие-

¹⁵ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1996. С.163, 168

¹⁶ <http://www.noradessa.ru/details.html?id=7915>

рархии субъектов международных отношений, неустойчивая связь между которыми будут диктовать быструю смену сценариев глобального и регионального развития.

Эволюция теорий международных отношений. Научное измерение международных отношений стало формироваться сравнительно недавно¹⁷. Это произошло между первой и второй мировыми войнами. Желание понять и объяснить, какие пружины двигали изменениями в мире, и потребность ответить на вопрос, как Соединенное Королевство могло попытаться сохранить за собой важное положение в будущем, царившие в британских политических и интеллектуальных кругах, привели к созданию Лондонского Королевского Института Международных Дел (получившего впоследствии известность под названием Chatham House) и открытию в маленьком университете Уэльса первой кафедры Международных Отношений.

В Нью-Йорке также стало разгораться любопытство и некоторый интерес к данной теме. Американская экономическая мощь была прочной и стремилась к экспансии. В Нью-Йорке задавались вопросом о том, что происходило в мире и какую роль в нем надлежало играть американской державе. Совет по Международным отношениям в Нью-Йорке стал, таким образом, конкурентом Лондонского Королевского института и заложил основы американского подхода, состоявшего в подчинении научных исследований конкретным политическим проектам.

Провал Лиги Наций и ряда международных проектов типа пакта Бриана-Келлога поставили под сомнение приоритетность юридического знания о международных отношениях. Поведение отдельного государства в определенных обстоятельствах может руководствоваться соблюдением юридических норм, а может и не руководствоваться ими. В связи с этим понадобились дополнительные знания, которые могли бы позволить снизить порог ошибочности объяснений и прогнозов относительно соблюдения международного права и правил со стороны одного или нескольких субъектов международной политики.

Международное право сыграло свою самую важную роль в период с последних десятилетий XIX века до второй мировой войны. Были созданы международные организации и штат международных чиновников. Появление глобальной политической системы было бы невозможно без этого изобретения. В тот отрезок первой половины XX века положение международного права в ряду наук и университетских дисциплин, которые занимались изучением международных отношений, перестало быть изолированным. Прежде всего, был совершен ощутимый рывок в исследовании истории международных отношений. К истории дипломатии и дипломатических соглашений добавлялось изучение «глубинных сил» и «смыслов» мировой истории. Появились «истории» продолжительных временных отрезков, великих эволюций и социальных сил. Особый вклад в исследование международных отношений внесла политология, которая в начале XX века начала развиваться по пути, проложенному социологией и эмпирическим изучением общества.

Включение новой дисциплины в программу университетского образования, однако, состоялось в большинстве случаев уже после второй мировой войны. Какова же платформа, на которой базируется дисциплина Меж-

¹⁷ Обстоятельный анализ эволюции теорий международных отношений излагается в книге итальянского исследователя: Аттина Ф. Глобальная политическая система. Введение в международные отношения. Екатеринбург, 2002.

дународные Отношения? Какова теоретическая и методологическая база, на которой различные ученые выстраивают новое здание научных знаний?

Ни в одной науке нельзя добиться слишком большого порядка и систематичности, когда приходится описывать отдельные части целого и представлять весь комплекс знаний, выделяя в нем, говоря архитектурными терминами, фундамент и стены. Международные отношения не являются исключением. С конца второй мировой войны до 70-х гг. эта дисциплина развивалась в основном в рамках *реалистической* теории. Считалось, что международные отношения следовало регулировать на базе власти и национальных интересов государства, имевшего наибольший вес.

Однако углубление представлений о международных отношениях поставило новые вопросы: недостаточно знать лишь, что на мощь отвечают мощью, на альянсы – альянсами, а на обладанием ядерным оружием – обладанием ядерным оружием. Необходимо предвидеть действия противника; спровоцировать внутренние перемены в нестабильных странах; искать разрешение опасных конфликтов; держать под контролем неопределенные ситуации; уметь ужиться и мирно «сосуществовать» с другими цивилизациями. В 40-е и 50-е годы «бихевиоризм» (теория поведения) из психологии распространилась на социологию и на политические науки. В американских и европейских университетах теоретические и методологические положения бихевиоризма были восприняты в том числе учеными-международниками. В частности, анализ процесса принятия решений – *decision-making approach* – вместе с применением метода системного анализа привели к резкому скачку в развитии новой дисциплины.

Из чего складываются решения во внешней политике, как противник воспринимает чужие решения, как провести переговоры, когда применить угрозу, какое давление внутренняя среда оказывает на правительство недружественной страны? Все это предметы исследований, которые стали проводить ученые-международники, когда в период после второй мировой войны перешли от формального и нормативного изучения права, описательного и хронологического анализа истории и спекулятивного и предписывающего исследования философии и морали к эмпирическому анализу политической науки.

Наряду с «решенческим» и «поведенческим» подходами перспектива системного анализа еще более обновляет исследования в области международных отношений. Подвергшийся влиянию бихевиоризма, системный анализ ведет свое происхождение от других наук – особенно от биологии – и представляет собой общую методологию научного исследования.

Системный анализ успешно применяется в международных отношениях, потому что он предписывает рассматривать целое (прочное и стабильное существование международной системы во времени), что до сих пор не делалось. Прежде всего, он подвергает пересмотру самую классическую и упрощенческую версию реализма, который усматривает в международной политике только расчеты лидеров великих держав. В 60-е и 70-е гг. международные отношения были насквозь пронизаны системным анализом. Это привело к тому, что *реалистические* подходы стали преобразовываться в преобразовывается в *неореализм*, когда Вальц (1979) применил понятие «структуры» в качестве фундаментального элемента *реалистического* объяснения международной политики.

В 60-70-е гг. появляется два новых течения, которые можно считать критическими или альтернативными по отношению к предшествующим методам анализа, а именно исследования и теории о мирном существовании и конфликтах и исследования по транснациональным обществам и функционализму. Поведенческая теория с широким применением количественного анализа и методы системного анализа – это багаж направления «исследований процессов мира» (*peace research*). Поставленная этим направлением задача может быть сведена к следующему: *знать, чтобы излечить*. Изучить кризисы, конфликты, войны, чтобы исключить применение насилия в международных отношениях. *Peace research* переживала бум на волнах протестов и возмущений в связи с вьетнамской войной. Однако слабость теоретического построения была настолько очевидной, что с окончанием войны во Вьетнаме это направление себя исчерпало.

В 60-70-х гг. проявило себя другое научное направление, связано с анализом транснационального общества и функционализма. Исследования ученых-социологов, таких как Карл Дейч (1954; 1957; 1966), включают в предмет изучения истоков политических образований также те общественные, экономические и культурные феномены, которые имеются в основе систем, выходящих за рамки границ государств. Исследования Джона Бартон (1969 и 1972) дали жизнь транснациональным исследованиям в сфере Международных Отношений.

Последние двадцать лет характеризуются подчеркнутым теоретическим и методологическим плюрализмом. Международные отношения – это уже не только силовые отношения между государствами и правительствами. Наряду с факторами власти государств – не важно, военными, экономическими, географическими или демографическими – должны учитываться факторы организации того, чем является глобальная система, которая производит решения, правила и стандарты для всех своих субъектов. Международные Отношения, следовательно, усваивают от других дисциплин исследования и интерпретационные перспективы, без которых теперь уже было бы сложно понять даже межгосударственные отношения в узком смысле. Например, *неоинституциональный* подход, доминирующий в науке о внутренней политике, также используется в изучении международных процессов, прежде всего, для анализа режимов и многосторонности, то есть обязательств и возможностей, которые международные организации навязывают государствам, имеющим общие традиционные или новые чрезвычайные проблемы. Эти «инкрустации» из других методологических наук влияют на изменение научного инструментария и самого языка теорий международных отношений. В связи с потребностью иметь информацию о решениях и поведении государств в меняющейся международной системе, *поле* международных отношений не состоит только из отношений между государствами и их правительствами. Существуют другие индивидуальные, коллективные, институциональные и организационные субъекты, которые составляют основу международной системы. Более того, объектами исследований международников является не только «международная» система, но система «транснациональная» или «глобальная система», то есть система, в которой границы между *внутренним* и *международным* становятся все более расплывчатыми.

Таким образом, сегодня в большей степени, чем 50 или 60 лет назад, не решения и поведение национальных правительств находятся в *фокусе* дисциплины, а производство и эволюция глобальных общественных правил и политик. Таким об-

разом, Международные Отношения становятся все более наукой о *глобальной политике* – о политике между государствами и о политике за пределами государств – поскольку они анализируют и объясняют, кто решает и кто подчиняется в мировой системе. Формирование и применение международных правил зависит от международных институтов, которые организуют коллективную жизнь и процесс принятия решений. Они включают также индивидуальные и коллективные нужды субъектов системы, которые преобразовываются ими в виде повесток дня, политических продуктов, общественных политик, становящихся обязательными для большей части субъектов международных отношений.

Согласно *традиционной* концепции международных отношений считается, что мировая система лишена политической организации. В *современной* концепции, напротив, даже если признается, что в международной системе не существует единой руководящей власти и отсутствует единое поле суверенных институтов, в которых сосредоточивается вся принуждающая власть, утверждается, что эта система все же располагает некоей совокупностью правил и институтов, организующих отношения между значимыми субъектами системы, сообщая им непрерывность и регулярность, и упорядочивающих использование общих благ и ценностей.

Несмотря на то, что некоторые ученые упрямо не желают отказываться от концепции анархической и дезорганизованной международной системы, нельзя отрицать, что сегодня мы как никогда в прошлом готовы признать, что существует самое настоящее поле мировой политики, в котором деятели, обладающие разными способностями, разными целями и разными стратегиями, *взаимодействуют* в целях формирования правил и политик, которые установили бы общие обязательства в сферах пользования общими благами и ценностями всех без исключения, то есть таких правил и политик, при помощи которых можно управлять миром, состоящим из множества общественных устройств и человеческих коллективов. За этим процессом согласования в вопросах организации или порядка мировой политики скрывается, тем не менее – а иначе и быть не может – множество способов понимания политики вообще и политики международной и глобальной системы в частности.

Установки, с которыми люди подходят к политике, можно свести к ориентированности на две разные парадигмы:

1. Политика как кооперационно-соревновательное взаимодействие

- Содержание: мирные соглашения и переговоры
- Институты: инструменты общественной интеграции и унификации
- Правительство: институт, основанный на договоре по защите благ/прав
- Цель: поддержание порядка распределения на основе консенсуса

2. Политика как конфликтное взаимодействие

- Содержание: антагонистические конфликты, основанные на тотализированных ценностях и идеологиях
- Институты: принудительные агентства и общественный контроль
- Правительство: орган, созданный меньшинством с целью доминировать над большинством

Парадигмы конфликта. С точки зрения парадигмы конфликта и неравенства считается, что политические правила и институты жестко определяются различием силы между государствами, а государства будто бы почти

вовсе не признают равного суверенитета как элемента их сосуществования. В центре этой концепции международной политики заложено условие взаимного недоверия государств, которое порождается, с одной стороны, неравенством ресурсов и способностей каждого из них действовать на международной арене в собственных интересах, а с другой стороны, равным суверенитетом, который позволяет каждому из них преследовать свои интересы, прибегая к военной силе. Государства, преследуя свои интересы, не могут полагаться ни на что, кроме своих средств и своей силы. Поэтому каждое государство, для того, чтобы чувствовать себя уверенно, должно стремиться наращивать силу..

В современных международных исследованиях парадигма неравенства отождествляется с *реалистическими* теориями. К ним относятся, в частности, системно-структурные (*неореалистские*) теории, теории политико-экономической гегемонии (теории *гегемонической стабильности*) и теории *системы-мира* и *капиталистического рынка*. Международный политический реализм обычно отождествляют с теорией политики силы, или *power politics*, которая от Макиавелли дошла до теоретиков *machtpolitik* XIX и начала XX веков. Самыми авторитетными современными выразителями этой теории были американец Ханс Моргентау, англичанин Мартин Уайт и француз Раймон Арон.

По мнению Моргентау и Уайта в системе суверенных и неравноправных субъектов, какой является международная система, каждое государство может выжить и реализовать свои интересы только в том случае, если будет действовать в качестве гаранта самого себя. Государства, кроме того, – это сообщества людей, существ по природе своей коварных и агрессивных. По этой причине международная политика характеризуется стремлением наращивать силу, потому что только при помощи военной силы государство выживает и реализует свой национальный интерес. Сила и национальный интерес, следовательно, – это сущностные элементы международных отношений. Национальный интерес – это, с одной стороны, объективная данность, которую можно определить на основе отношений силы, существующих между всеми государствами системы, а с другой, совокупность задач, установленных руководителями государства на основе расчетов и оценок, прежде всего, военной мощи. Перед лицом национальных интересов государств – особенно самых могущественных из них – эффективность всех международных институтов (от договоров о коллективной безопасности до международного права) оказывается ограниченной или вообще мнимой. Организация международных отношений, следовательно, основывается на правилах, продиктованных государствами, обладающими более высокой военной мощностью, а не на юридических обязательствах или органах кооперации. Это не означает, что государства постоянно обращаются к военной силе. В защите национальных интересов, правители взвешивают последствия своих решений и предпочитают обычно прибегать к дипломатии, чем к военной силе. Часто национальные интересы могут быть достигнуты без столкновений сил и военных разрушений. Прежде всего, именно эта осторожность и расчетливость руководителей крупнейших держав в распределении силы приводит к образованию того, что реалисты называют «системами равновесия», а именно к созданию иерархических организаций международных отношений, согласованных великими державами на основе оперативных правил для того, чтобы как можно более мирно решать конфликты интересов. Реалисты считают,

что все существующие в мире властные ресурсы можно абстрактно суммировать и что такая сумма власти конкретно делится или *распределяется* между государствами. Понятие «*сфера влияния* великой державы» в устах реалистов приобретает такой смысл, который приписывает государствам, находящимся в сфере влияния великой державы, полную потерю независимости или международного суверенитета. Контролируемые государства действительно теряют свою способность принятия решений в международной системе (а также в своей внутренней политике), отдав ее великой державе, так что сфера влияния — это не сфера международных отношений, в которой отношения власти позволяют одному государству навязывать свои решения в конфликте интересов, а скорее сфера имперских отношений.

Равновесие сил для них — это не правило, а только метафора, служащая для того, чтобы утверждать, что ни одно правительство не воздерживается от проведения политики преследования собственных целей, по сравнению с которыми цель достижения равновесия системы отходит на второй план.

Теории гегемонии и взаимозависимости. В свои интерпретационные и аналитические модели они включили неравенство экономических способностей и способностей разрешать общие проблемы. Одни ученые считают одинаково важными оба эти типа переменных (военно-политические и экономические); другие ставят на первое место экономические отношения, хотя и не отказываются принимать во внимание военно-политические величины.

Мысль о том, что существует множество важных факторов в организации международных систем, имеет большое теоретическое значение, потому что признание гегемонии за государством, которое в состоянии контролировать системные отношения как в военно-политической сфере, так и во всех других экономических и социальных сферах, вытекает из признания существования международного экономического параметра, который взаимодействует с военно — политическим параметром и сам нуждается еще в организации. Контролировать системные отношения не означает контролировать каждый аспект жизни системы, а еще меньше — держать под своим командованием каждый субъект системы. Это означает, скорее, что государство-гегемон имеет структурные полномочия и желание заставлять совершаться события в нужном ему направлении, а также способность перетянуть на свои позиции в решении основных проблем системы наибольшее число государств или, по крайней мере, те из них, которые обладают наибольшим весом. Такая власть складывается как из ресурсов государства, так и из целей, ради достижения которых оно использует свои ресурсы: эти цели обычно являются общими для большинства государств и негосударственных субъектов системы, располагающих важными с организационной точки зрения ресурсами.

Сошлемся в качестве типичного примера на теорию Р. Гилпина. Держава-гегемон квалифицируется в качестве таковой благодаря своей экономической и военной силе, которая позволяет ей определять политико-территориальное устройство международной системы, устанавливать правила ее политического функционирования и проводить разделение труда в экономической сфере. Этот политический и экономический порядок ухудшается по мере накопления изменений, сокращающих побочные выгоды экспансии экономического производства и политического контроля державы-гегемона и приводящих к возрастанию цен, которые приходится платить в обмен на сохранение status quo. В то же время растет эконо-

мическая и военная мощь других держав, которые бросают вызов сверхдержаве и претендуют на перестройку системы на новых началах. Следствием этого является втягивание системы в войну, которая ведется при участии всех крупнейших государств, с использованием всех средств и с наступлением глобальных последствий. Среди последствий, в частности, можно указать то, что системная и гегемоническая война приводит к выдвиганию новой державы-гегемона, интересам которой служит новое устройство. Держава-гегемон, находящаяся в стадии упадка, может взять инициативу развязывания превентивной войны, нацеленной на укрепление ее положения, однако история показывает, что такая война заканчивается успехом периферийных государств системы, потому что ресурсы центральных государств оказываются растраченными на соперничество. По мнению Гилпина, иерархическая структура международных систем, устанавливаемая посредством войны и выдвигающая ведущую державу, основывается на военной переменной. Однако, это не исключает роли экономических переменных, которые являются в равной степени определяющими. Перед державой-гегемоном встает задача обеспечения в том числе экономического преимущества в организации системы.

Гегемонический порядок формируется, когда производство некоторых государств становится взаимозависимым и приводит к образованию единой (мировой) системы производства. Классы, формирующие «исторический блок» доминирующей страны (то есть конфигурацию социальных сил, на которых основывается государственная власть), находят союзников в аналогичных классах других стран. На основе общих интересов и идеологий строится «транснациональный исторический блок», который интернационализирует государства: то есть аппараты и политика государств приспосабливаются к мировому порядку в силу связей между их доминирующими классами или же под военным или финансовым давлением одного отдельного государства. Напротив, международный порядок является *негегемоническим*, когда не происходит интернационализации производства и государств, но последние, при помощи политических, экономических и военных средств, имеющихся у них в распоряжении, прилагают все усилия для того, чтобы удовлетворить интересы некоторых своих социальных классов и ответить на нужды внутренней организации производства.

Важность экономических механизмов, обеспечивающих стабильность политической организации международной системы, была подчеркнута также учеными, исследовавшими специфические аспекты мировой экономики. Кинд-лебергер (1981), например, доказал, что стабильность международной системы основывается на стабильности ее экономики, а стабильность мировой капиталистической экономики, в свою очередь, в большой степени зависит от наличия некоторых коллективных благ (то есть благ, используемых и могущих быть используемыми всеми), таких, как сильная и твердая валюта в качестве базы для обменов и ликвидность или масса капиталов в качестве базы для роста. Этим благам угрожает стремление государств действовать подобно рациональным и эгоистичным игрокам и занимать позиции *free-rider* («свободных наездников» или «паразитов»). Поэтому их наличие зависит от существования некоего государства, которое по своим качествам – благодаря обладанию материальными, экономическими и финансовыми ресурсами, а также волей к лидерству – способно гарантировать системе наличие существенных коллективных благ.

Теория международных социальных правил. Организация международной системы, вытекающая из военно-политического и/или экономического неравенства государств, — это строго иерархическая организация, навязанная самыми сильными государствами и подверженная жестоким трансформациям. В парадигме равенства, напротив, равный суверенитет — это фундаментальный фактор образования *сообщества* государств и выбора форм его политической организации. С этой точки зрения, организация международной системы не является по своей природе навязанной сильнейшими, хотя они играют в ее создании особую роль. Она находится в постоянном и медленном развитии, и возможные бурные трансформации следует считать случайными явлениями. Добровольное решение субъектов, обладающих равным суверенитетом, объединиться, соблюдая при этом правила сосуществования, приводит к образованию *общества*, даже если не все государства обладают общими свойствами или разделяют общие ценности. Если бы так было, мы говорили бы уже о существовании *сообщества*. Там, где нет общих ценностей или свойств и нет признания одних и тех же социальных правил, но, тем не менее, существует группа взаимодействующих и взаимозависимых автономных субъектов, речь идет только о *системе*. В том случае, если такая система располагает организацией, состоящей из правил, которые считаются обязывающими, и достаточно стандартизированных ролей и процессов формирования таких правил, мы имеем дело с политической системой. Отправной точкой теорий международных социальных правил является мысль о том, что ограниченные совокупности государств могут образовывать международные сообщества, однако вся международная система строится в ходе исторического процесса, который собирает вместе государства, не имеющие общих свойств и ценностей, но зато принимающие кодекс правил социальной жизни. Именно на такой социальной базе выстраиваются международные отношения и международная политическая система.

Плюралистские теории. Суть этого научного подхода сводится к тому, что каждый сектор международных взаимодействий должен быть организован согласно критериям той функции, которую он должен выполнять, и будет налагать обязательства и ограничивать предписаниями интересы отдельных стран. Другими словами, есть определенные виды деятельности, или «функции», традиционно осуществляемые государствами и требующие постоянной международной координации и кооперации, начиная с потребности обеспечить почтовую связь с остальным миром и заканчивая необходимостью гарантировать контроль общественного здоровья. Для выполнения этих требований государства вынуждены частично или полностью передавать определенные функции международным организациям или агентствам, теряя часть своего суверенитета. Они делают это обычно с готовностью, потому что нет другой альтернативы выполнения данной функции, служащей на пользу обществу. В то же время, государства берут на себя обязательства по отношению к этим организациям и оказываются таким образом связанными сетью функциональных отношений, которые могут влиять как на их внутреннюю политику, так и на традиционную независимость их внешней политики.

С появлением процессов индивидуализации, глобализации и взаимопроникновения государство стало представляться теоретикам-плюралистам с одной стороны великим и «далеким» от проблем простых граждан, а с другой стороны маленьким и недостаточно способным противостоять поражающим его глобаль-

ным проблемам. Из этого складывается впечатление, что началась реорганизация политических систем, ведущая к перераспределению регулирующей компетенции между властями или правительствами различного географического масштаба. Это перераспределение может совершиться на основе критериев географического масштаба или масштаба охвата проблем или же на основе других критериев. Между тем компетенции одного уровня управления могут быть эксклюзивными лишь в редких случаях; обычно они конкурируют между собой и терпят ограничения из-за отсутствия консенсуса и духа взаимодействия между субъектами различных уровней. Анализ современной глобальной системы как системы в одно и то же время *государствоцентрической* и *мультицентрической* оказывается, поэтому затрудненным из-за огромнейших трудностей, возникающих при решении задачи формулирования совокупности институтов и правил, которые ее организуют и ей управляют.

Теории международной демократии. Экономическая концепция глобализации оспаривается другой концепцией, которая не отрицает процесс унификации рынков в единый глобальный рынок, но отрицает тот факт, что этот процесс происходит без существенного участия государства и против государства. Сторонники подобной критики предпочитают говорить об *интернационализации* капиталистической экономики. Государство, по их замечанию, – это фундамент так называемой экономической глобализации, благодаря его способности производить правила управления экономикой в ответ на запросы интересов, организованных в большей массе на государственном уровне, и благодаря его политике, которая сознательно и не только поддерживает технологическое производство и прогресс. Наконец, государство, как отмечают сторонники интернационализации, больше любых других субъектов сопротивляется глобализации, потому что представляет собой наиболее эффективную систему, в которой утверждаются коллективные ценности и преследуются социальные и политические цели, особенно если речь идет о национальных государствах с демократическими политическими режимами.

В рамках проблем демократизации международной системы и демократизации глобальной политической системы ученые разрабатывают, по крайней мере, четыре темы: 1) кризис внутренней демократии под воздействием процесса глобализации; 2) возможные формы демократизации системы государств и глобальной системы в целом; 3) первый демократический опыт учредительной деятельности за рамками национальных государств, ставших колыбелью современной демократии; 4) уменьшение количества международных конфликтов и упрочение мира в ограниченных группах государств за счет упрочения внутренней демократии. Чтобы начать решать проблему демократизации глобальной политической системы, Одни, например, А. Паписка и Р. Фальк, видят возможность демократизации глобальной политической системы в увеличении числа неправительственных деятелей и транснациональных движений; другие, подобно Хэлду, основывают перспективы построения демократии в мировой системе на появлении модели нарастания космополитической демократии, которая объединила бы государственное гражданство и мировое гражданство.

Демократизации международной системы, по мнению Паписки, благоприятствует существование межправительственных организаций глобального радиуса действия, которые, подобно ООН, демонстрируют свою склонность к действиям и методам, принятым неправительственными субъектами и организмами – движи-

телями *общечеловеческих* ценностей и интересов. В самом деле, демократия в управлении мировой системой строится на базе ценностей и интересов, общих для всех человеческих существ, признающих себя и друга друга членами единого цивилизованного коллектива. В наше время эта общность ценностей легко просматривается в документах о правах человека. Демократизация международной системы, таким образом, основывается на реализации условий, которые обеспечивают соблюдение прав человека на всей планете, независимо от того, идет ли речь о фундаментальных, индивидуальных или коллективных правах человека, о гражданских и политических правах, об экономических и социальных правах, культурных правах или правах, касающихся окружающей среды.

Ричард Фальк исходит из констатации того, что мир быстро идет по пути высочайшей экономической, культурной и политической интеграции, которая приводит к появлению условий для геоправления (*geogovernance*), то есть условий, при которых каждый уголок земли подчиняется одной и той же деятельности и одним и тем же актам управления. Таким образом, исчезают условия, при которых государства, или, точнее, некоторые государства, проводили свою собственную *геополитику*, выковыывая историю человечества на основе собственных способностей как суверенных территориальных субъектов. Новая форма *геополитики*, основанная на капитале и на соревновании государств, реализуется сегодня экономическими силами глобального рынка, которые, тем не менее, не берут на себя личной ответственности за управление глобальной системой. В то же время государству бросают вызов силы более ограниченного поля действия, которые проводят политику соперничества с ним и сокращают способности государственных правительств, дробя государственные политические пространства.

Некоторые ученые, описывая условия современного мира и ближайшего будущего, применили понятие *нео-средневековости*, но Фальк предпочитает говорить о мире, характеризующемся условиями «негуманного управления» (*inhumane governance*), главным принципом (или недостатком) которого является то, что оно сохраняет аспекты традиционной системы государств, препятствуя или замедляя процессы демократизации системы и образования мира с «гуманным управлением». Предполагается, наконец, что космополитическая демократия могла бы опираться на очень сильную и четкую базу гражданских, политических, экономических и социальных прав, соблюдение которых было бы лакмусовой бумагой самой демократии. Это может произойти, если будут соблюдены два условия: во-первых, если эти права будут присутствовать в конституциях всего мира, то есть как в конституциях государств, так и в конституциях международных институтов; во-вторых, если юрисдикция в сфере таких прав будет присвоена не только государственным судам, но и международным судам, в которые мог бы обратиться любой человек, желающий подвергнуть суду действия правителей.

Глобализация и новая повестка международных исследований. Новые условия изменили восприятие государства и международных отношений. Все большее влияние оказывают организации и процессы, которые по своим параметрам выходят за рамки государства и лишают его многих компетенций, однако государство тем временем тоже расширило сферу своего вмешательства на области, в которых до сих пор его присутствие не отмечалось. Другими словами, мы переживаем такой период, когда наряду с разделением мира на государства и «производством государств», про-

исходит рост обратных процессов. Нельзя не признать за государством качества политической организации, действенной с точки зрения удовлетворения индивидуальных и коллективных человеческих потребностей, но мы не можем продолжать относиться к нему так, как привыкли, потому что природа государства глубоко меняется.

Все эти изменения произошли не внезапно, а на основе процессов, совокупность которых мы обозначаем термином *глобализация* или представляем в целом как единый процесс глобализации; эти процессы имели разные истоки и разную скорость развития в разные исторические моменты и в разных отраслях социальной деятельности. Скорость их развития возросла в последние десятилетия, поэтому о сегодняшних днях мы говорим, как об эпохе глобализации. Наряду с примерно 200 государственными политическими системами, некоторые из которых являются не унитарными, а федеральными или регионализированными (то есть системами систем), и формируют систему взаимозависимых коллективных субъектов, или международную политическую систему, сейчас уже существует еще более широкая система, которая охватывает как государства и их систему, так и множество негосударственных субъектов, по-разному взаимосвязанных и обладающих разной способностью влиять на использование и распределение ресурсов и ценностей мира. Эта система, включающая в себя любую другую политическую систему, и есть *глобальная политическая система*.

Параллельно глобализации, тем не менее, происходит и обратный процесс. Он обозначается, как *фрагментация* и признается важным для определения современной социальной эволюции. В некоторых современных работах, посвященных социальному анализу, мир представлен балансирующим между глобализацией и фрагментацией, а определенные социальные реальности (будь то нации, этносы, культуры или другие социальные группы) считаются достаточно сильными, чтобы возобладать над процессами глобализации. Предполагается, что такие социальные реальности в состоянии закрыть дверь во внешний мир, быть «независимыми мирами», не тронутыми «заразой», переносимой отношениями с остальным миром. Иначе говоря, локальное защищается от глобального, реагируя на него и враждебно закрываясь от всего чужого. Глобализация, которая вторгается в пространство, организованное некоей локальной реальностью, есть угроза, покушение на сохранение местной целостности (культурной, экономической и т.д.), против которой суждено возобладать потребности в собственном лице и в защите своей уникальности.

Подобному взгляду противопоставляется более уравновешенная точка зрения, согласно которой глобальная система и локальные системы имеют каждая собственные истоки и определяющие их факторы, но сегодня все они переживают натиск одного и того же комплекса материальных и идеологических факторов, который способствует их утверждению и установлению их взаимной дополнительности. Один и тот же комплекс материальных и идеологических причин ускоряет глобализацию и благоприятствует индивидуализации, то есть образованию мира, в котором отдельному субъекту – *индивиду* (человеку, микрогруппе, региону, нации, государству, культуре, цивилизации) – сообщается способность (материальные факторы) и право (идеологические факторы) утверждать свою независимость и развивать самоорганизацию. Кроме того, мобильность, коммуникация и возможности вести пропаганду и защищать собственные права создают в глобализованном мире, которому

грозит униформация, единичность, прерывистость и децентрализацию: то, что мы обобщенно называем» «фрагментацией», подчеркивая враждебную реакцию отдельного субъекта и возводимые им барьеры против своей зависимости от внешней среды. Каждая новая попытка утверждения индивидуальности неизбежно сопровождается столкновением и соревнованием *индивидов* глобальной системы, но не только: ей сопутствует также соперничество и сближение между ними.

Проблемы современной международной политики не исчерпываются правилами политико-территориальной безопасности и экономической конкуренции. Существует много других источников беспорядка и неопределенности для общежития в мировой системе. Каждая из них, независимо от места ее зарождения и места максимального сосредоточения, приводит к таким последствиям, которые невозможно удержать в рамках государственных границ. Из-за того, что процесс глобализации усилил взаимозависимость и взаимосвязь решений и внутренних политик современных государств, правительства не могут выполнять ни старые, ни новые функции (охраны общественной безопасности, экономического развития, охраны здоровья, социальной безопасности и т.д.) иначе, как применяя формы международной кооперации и координации. Любое правительственное вмешательство по борьбе с внутренними последствиями этих проблем, чтобы быть эффективным, должно быть скоординировано с вмешательствами других правительств и быть частью международных политик, урегулирований и режимов. Для этого данные проблемы должны войти в повестку глобальной политической системы.

Повестка политической системы состоит из совокупности спорных проблем, которые, по мнению большинства или, в любом случае, главных субъектов системы, требуют обязательного вмешательства путем поиска коллективных решений, в соответствии с которыми будут соотносываться все субъекты системы. Например, Шарлотта Брезертон предложила классификацию, которая исходит из природы проблем и различных способов их решения в глобальной политике. Брезертон различает три категории проблем, которые могут входить в повестку глобальной политической системы.

1. Проблемы, ответственность за решение которых до сегодняшнего дня возлагалась на каждое государство индивидуально, потому что они были связаны со свойствами их суверенитета, но которые сегодня считаются объектом коллективной, региональной или глобальной ответственности. К этой категории, помимо традиционных проблем безопасности, относится проблема прав человека и внутреннего политического развития.

2. Проблемы, масштаб или последствия которых перешагивают через все государственные границы и которые поэтому либо уже стали объектом международной кооперации, либо ожидают скорейшего и широчайшего коллективного решения. К этой категории относятся многие проблемы современной глобальной системы, например, проблема охраны окружающей среды, проблемы здравоохранения, вызванные новыми инфекционными заболеваниями, пока еще не поставленными под медицинский контроль, проблемы международной преступности.

3. Проблемы, решение которых превышает индивидуальные возможности государств и может быть эффективным только в том случае, если институты глобальной системы получают значимые компетенции политического производства. К этой категории, помимо традиционных проблем сокращения разрыва в благосостоянии зон мировой экономики, толчка к экономическому подъему зон экономи-

ческого упадка и искоренения бедности, вызванной расслоением мировой капиталистической экономики, относятся проблемы, вызванные широкомасштабными миграциями народов по политическим и экономическим причинам.

Включение таких проблем в повестку системы открывает путь к их мирному решению, которое, однако, зависит от соблюдения сразу нескольких условий и от того, в каком отношении находятся проблема и интересы, которые она затрагивает. Включению проблемы в повестку системы предшествует фаза политизации. Другими словами, проблема не только становится актуальной для большинства субъектов, но на нее прямо указывают, как на проблему, которая требует решения на основе коллективных правил и, вероятно, общих ресурсов. Конкретная политизация проблемы происходит тогда, когда часть субъектов делает ее объектом своей политической деятельности, призывая к солидарности и сплоченности вокруг решения проблемы, подчиняя свое политическое поведение желанию других субъектов обсуждать коллективное решение проблемы и предпринимая действия по введению проблемы в повестку системы. До тех пор, пока политическая проблема не включена в повестку, она является источником хаоса, напряженности и конфликтов, вызывает политическую нестабильность и представляет угрозу для институциональной организации системы.

Как бы то ни было, не существует единого критерия, который позволил бы точно определить повестку системы в тот или иной исторический момент. Важным критерием для современной глобальной системы являются документы ООН. Другой критерий основывается на содержании отчетов экспертных комитетов и правительственных или неправительственных международных организаций. Еще одним критерием может выступать анализ заключительных деклараций периодических собраний правительственных объединений (таких, как «Большая Восьмерка» или «Группа 77») за какой-либо год: неоднократная постановка проблемы в течение определенного времени свидетельствует о ее большой системной важности.

Поскольку средства массовой коммуникации не являются беспристрастными, они способствуют формированию сценария повестки политической системы, так как предлагают общественному мнению определенное видение глобальных проблем, которое может повлиять на участников переговоров по их решению.

Политика строится вокруг проблем социальной системы и представляет собой непрерывное соревнование по выдвижению проблем большой системной важности, а также, поскольку невозможно выделить равный объем ресурсов для решения всех проблем, по определению порядка их приоритета. В самом деле, решение проблем политической повестки системы требует привлечения многих ресурсов, начиная с организационных и переговорных затрат, необходимых для того, чтобы убедить большинство субъектов в неотложности решения данной проблемы, и заканчивая экономическими и материальными ресурсами, которые служат непосредственно для выполнения мероприятий по решению проблемы. С другой стороны, рейтинг важности проблем повестки раскрывает такие значимые аспекты политической системы, как масштаб власти каждого субъекта, наличие открытых конфликтов и отношений солидарности или антагонизма, преференции самых разных государств и преимущественные интересы тех из них, у кого есть наибольший объем ресурсов, необходимых для решения вышеупомянутых проблем. Наконец, повестка системы

свидетельствует о способности последней решать проблемы (*“problem-solving”*-способность), которая зависит от функционирования ее институтов и от умений людей, играющих главные организационные роли.

Включение проблемы в повестку системы буквально означает, что проблема становится объектом общественных политик, решений и деятельности, при помощи которых большинство правительств находит консенсус по ее специальному оперативному решению. Это может произойти на основе формулирования юридических норм в рамках многосторонних переговоров и специальных дипломатических конференций, путем создания компетентных институтов для решения этой проблемы или посредством передачи уже существующим институтам компетенций и ресурсов, необходимых для решения этой проблемы или целого ряда проблем..

Это не означает, что проблемы, стоящие на повестке глобальной системы, перестанут быть объектом национальных, двусторонних или групповых политик, направленных на их решение. Решение международной проблемы всегда происходит на разных уровнях – национальном, союзном, региональном и глобальном – и может быть как прерогативой исключительно правительственных или неправительственных организаций, так и объектом совместных действий государственных и негосударственных субъектов.

После включения проблемы в повестку системы ее решение зависит в том числе от социальных надломов, которые, с точки зрения структуры, делят государства на сходные группы, подвергающиеся примерно одинаковому давлению со стороны некоей проблемы, а с политической точки зрения, предрасполагают к солидарности и объединениям правительств на переговорах и в институтах, занятых поиском решений рассматриваемых проблем. Поэтому проблемы, включенные в повестку системы, воздействуют на системную организацию: их разрешение или неразрешение (или же попытка деполитизации и исключения проблемы из повестки) меняют или подтверждают правила управления благами системы и соответствующие компетенции институтов. Политическая борьба вокруг проблем системы выступает, следовательно, или фактором эволюции, или фактором сохранения организационной формы системы.

Подведем итоги. Главная форма организации коллективной жизни, созданная людьми за последние века – государство – обнаруживает явные признаки потери былой важности. Для нас, европейцев, граждан самой зажиточной и привычной к движению и смене идей части света, это утверждение имеет огромное значение. Это не все: для нас, европейцев, государство представляет собой многовековой опыт, четко подразделяемый на фазы и периоды, которые отражают очевидную эволюцию самого государства и отношений в системе государств. Для остального мира, где существует большое разнообразие форм государств и большое разнообразие условий, в которых государства действуют и взаимодействуют, это не так. Но как бы то ни было, в сегодняшнем мире ни одно государство не может похвастаться такими свойствами, которые – заслуженно или незаслуженно – приписывались ему вплоть до недавнего прошлого: ни одно государство не имеет исключительного права управления своей территорией, хотя и вправе контролировать ее границы и населяющих ее людей. Государство отдало часть своего приоритета другим коллективным субъектам, которые органичивают его способность навязывать правила собственным гражданам и проводить независимую общественную политику: этими

субъектами являются как ассоциации частных лиц – организованные группы, экономические предприятия, церкви – так и ассоциации государств и общественных учреждений – международные организации и ассоциации, объединяющие агентства по управлению и аппараты общественных администраций.

В этих условиях изменились в первую очередь формы и способы бытия государств в глобальной системе. Изменились способы и средства ведения того, что всегда называлось «внешней политикой». Изменение роли государства и системы, действительно, говорит об эволюции политической организации мира. Это не значит, что прогнозируется абсолютное исчезновение такой разделенности: унификация глобальной системы, о которой мы говорим, не есть исчезновение различий и прерывистости. Это, скорее, глубокая и интенсивная координация. Координация отдельных частей системы, которую нельзя противопоставить раздельному и тем более независимому управлению частей.

Цель научного исследования международной политики нашего времени – стать наукой о политике глобальной системы. Стать наукой о политике управления миром, потому что стало очевидно, что на место международной политики – понимаемой, как отношения между (государственными) правительствами мира – постепенно встает глобальная политика – то есть политика, при помощи которой все существующие субъекты управляют миром. Цель ученого в этом случае – понять и объяснить, кто и как делает политику глобальной системы. При помощи каких институтов и каких процессов, на основе каких полномочий существующие институты принимают решения и устанавливают общественные политики и какими формами легитимизации располагают пассивные субъекты этих решений.